

Ему, молодому актеру, только-только окончившему театральное училище, не очень успешному (ролей нет и не предвидится), однажды по пути в театр встретилась цыганка. «Давай погадаем, молодой-красивый?» – говорила она ему. Уже и ее товарки его окружили и проходу не дают. Еле смог отвязаться.

Пришел в театр и пожаловался на неприятный, скучный инцидент. Жаловался ведущей актрисе. Она выслушала его и спросила:

– А вы что, не верите в гадания?
– Да кто ж в них верит? – Молодой Виктор Розов верить не мог, да и не хотел.

– А хотите, я вам сама погадаю?

И Розов протянул ей свою левую руку.

Первая часть предсказания была неприятной.

– Насколько я вижу, вы скоро умрете, – посмотрев на руку, сказала она. – Я вижу колебания между жизнью и смертью. Но если вы выживете, то станете богатым и знаменитым, будете известны на весь мир. И проживете тогда уже очень долгую-долгую жизнь.

Розов руку свою отнял, ему стало смешно: он даже улыбнулся. Но это предсказание сбылось.

Его действительно чуть не убили тогда.

«Тот единственный бой, в котором я принимал участие, длился с рассвета до темноты без передышки. Я уже говорил, что описывать события

не буду. Да и все бои, по-моему, уже изображены и в кино, и в романах, и по радио, и по телевизору. Однако при всем этом боевом изобилии для каждого побывавшего на войне его личные бои останутся нерассказанными».

После этого все крики в праздничных послевоенных ресторанах (он пишет жестче: «в кафе-мороженом») Розову кажутся дрянными и даже гнусными.

«...Причастившись крови и ужаса, мы сидели в овраге в оцепенении. Все мышцы тела судорожно сжаты и не могут разжаться. Мы, наверно, напоминали каменных истуканов: не шевелились, не говорили и, казалось, не моргали глазами. Я думал: “Конечно, с этого дня я никогда не буду улыбаться, чувствовать покой, бегать, резвиться, любить вкусную еду и быть счастливым. Я навеки стал другим. Того – веселого и шустрого – не будет никогда”».

Еще задолго до боя, когда они рыли с товарищами противотанковый ров, а потом был объявлен отбой, и бойцы сидели на берегу вечерней речки, и всем ужасно хотелось есть, а солдатский паек скудный, некоторые даже скулили от голода. И вдруг смотрят – а к ним бежит их товарищ, почему-то без гимнастерки, гимнастерку несет в руках, а в ней, как в кулке или в ловушке, что-то живое.

– Смотрите! – кричит он им как победитель.

Разворачивает гимнастерку, и в ней живая дикая утка.

...Все бои, по-моему, уже изображены и в кино, и в романах, и по радио, и по телевизору. Однако при всем этом боевом избытии для каждого побывавшего на войне его личные бои останутся нерасказанными.

Поймавший утку захлебывается от восторга:

– Вижу: сидит, прижалась за кустиком. Я рубаху снял и хоп! Есть еда! Захарим.

«Утка была некрупная, молодая. Поворачивая голову по сторонам, она смотрела на нас изумленными бусинками глаз... Она просто не могла понять, что это за странные милые существа ее окружают и смотрят на нее с таким восхищением... Все залюбовались красавицей. И произошло чудо, как в доброй сказке. Кто-то просто произнес:

– Отпустим...»

И отпустили.

А потом был тот самый единственный в жизни Розова бой.

«Потрясение было, может быть, самым сильным, какое я испытал за всю свою жизнь. Как ни стараюсь я сейчас воссоздать его в себе и снова почувствовать пережитое, не могу. Только помню. Немцы окружили нас, били изо всех видов оружия... А мы пытались куда-то прорваться из последних сил. Товарищи падали, один за другим, один за другим... Юное красивое лицо медсестры Нины было сплошь усыпано черными осколками, и она умерла через минуту, успев только сказать: “Что с моим лицом, посмотрите”. И не дождалась ответа...»

«Но я выжил и живу. Зачем? Почему судьба бережет меня? Что я должен сделать?»

Так спрашивает Виктор Розов, и жизнь ему отвечает, что. Пережить все это и это потом описать.

В 1956 году Олег Ефремов поставит в «Современнике» его пьесу «Вечно живые» (ее Розов напишет еще в 1943-м, когда будет находиться в отпуске по ранению в Костроме), а потом в 1958-м выйдет

фильм по этой пьесе, «Летят журавли», и Розов станет всемирно известным: фильм получил «Золотую пальмовую ветвь» на Каннском фестивале, и вот это уже настоящая летящая белоснежная слава.

Но до этого много еще чего. Даже памятного, бытового:

«...Купил я в молочной на Метростроевской немножко масла, сыру, творогу и банку сгущенного молока, а в булочной – батон за рубль сорок копеек. Вчера этот батон, если не по карточкам, стоил сто рублей. Принес все в келью, и мы, повизгивая от восторга, принялись за этот по-настоящему первый послевоенный мирный утренний чай».

И потом тоже много чего еще будет. И «по самому скромному подсчету, мне около ста лет». Эту фразу Розов роняет в своих воспоминаниях. А актриса все не отпускает и не отпускает его руку. Как будто действительно что-то видит там. Как будто на самом деле хоть что-то можно по нашей руке прочесть.

...Но я выжил и живу. Зачем? Почему судьба бережет меня? Что я должен сделать? Кого я должен еще отпустить?

